

ПЕРВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Эррико Малатеста

15 сентября 1924

В этом месяце исполняется шестидесятая годовщина основания той *Международной Ассоциации Трудящихся*, которая стоит у истоков рабочей борьбы и современных социалистических и анархических партий и которая вошла в историю под именем Первого Интернационала.

Интернационал!!! сколько приливов чувств вызывает это слово, которое было как культ моей юности!

Воспоминания, которые толпятся в моей голове, заставили бы меня написать личную страницу... хотя бы для того, чтобы вспомнить столько друзей и товарищей по борьбе, умерших за эти последние пятьдесят лет и оставивших столько кусков сердца на своем пути. Но я чувствую, что не сумел бы сделать это как следует, и поэтому сдерживаю страсть, которая меня волнует, осушаю слезы, и сладкие и горькие, которые мне затуманивают глаза, и приступаю к разговору об Интернационале объективно, умалчивая о той роли, которую мы, мои друзья и я, сыграли в его развитии, в его борьбе и в его смерти, чтобы извлечь из прошлого какой-нибудь урок для настоящего и для будущего.

Эррико Малатеста
ПЕРВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ
15 сентября 1924

Pensiero e Volontà, год 1-й, №18

ru.anarchistlibraries.net

Интернационал был основан в Лондоне 28 сентября 1864 года на собрании рабочих и революционеров разных национальностей с заявленной целью «установить центр связи и сотрудничества между трудящимися разных стран, стремящимися к одной цели, то есть к взаимопомощи, прогрессу и полному освобождению рабочего класса».

В Италии он был представлен в первые годы немногими предшественниками и каким-то редким рабочим объединением, и приобрел реальное значение только во время Парижской Коммуны (март-май 1871 года) и в годы, следовавшие непосредственно за ней. Развившись в Италии позже, чем в других странах, он пережил здесь свой самый активный и плодотворный период, когда в других странах он уже умирал, а затем, после окончательного раскола между анархистами (которые тогда назывались анархистами-социалистами) и социалистами-демократами на Генуэзском конгрессе 1892 года, перестал быть больше именем, которое хранят много лет из любви к традиции и в надежде на возрождение, у объединенных анархических групп.

Но чем же на самом деле был Интернационал? Как он жил и как умер?

Интернационал возник как федерация рабочих союзов сопротивления, с неопределенной программой, которую можно было истолковывать по-разному и доводить до самых разнообразных последствий.

На первый взгляд могло показаться, что это объединение было лишь повторением в большом масштабе и на международной почве тех рабочих обществ, которые в течение многих лет ожидали освобождения рабочего класса исключительно от законного сопротивления, кооперации, законов о защите труда, не восставая против политико-социального строя, который их угнетал, и не

выходя за границы буржуазного мира. И действительно, так показалось многим, настолько, что во Франции при его зарождении, с одной стороны, он был объектом лести Имперского правительства, которое, прежде чем объявить его и провозгласить незаконным, пыталось привлечь его в свою орбиту и сделать своим инструментом влияния и развращения в бедных классах; а с другой стороны, он получил одобрение и поощрение от многих влиятельных членов республиканской партии, которые позже, когда его программа начала разъясняться, стали его самыми яростными врагами и самыми жестокими преследователями. И так в других странах. Например, в Швейцарии один из первых конгрессов был проведен в зале Суда присяжных, любезно предоставленном; а в Неаполе, незадолго до того, как мы были заключены в тюрьму и преданы суду за возбуждение классовой ненависти, заговор против государственной власти и так далее, мы использовали для нашей тайной канцелярии, для наших собраний и для нашей народной школы помещения, любезно предоставленные Муниципалитетом.

Но времена были беспокойные, шел период рабочего пробуждения, новые течения мысли пытались пробить себе дорогу, новые мечты, новые стремления двигали умами, и люди, основавшие Ассоциацию, которые распространили ее в разных странах и приобрели там преобладающее влияние, были людьми идеи и действия, которые, помимо и выше экономических улучшений, стремились к полным и радикальным социальным преобразованиям. И поэтому, создав международную федерацию союзов сопротивления, которая давала более широкую базу для борьбы против капитализма, довольно скоро и, возможно, слишком рано они перешли к подготовке средств для разрушения всей существующей социальной системы, а также к поиску того, что нужно было поставить на ее место. Так, в то вре-

мя как массы, увлеченные волной энтузиазма, стекались в ряды Интернационала, который вырос в гигантские масштабы, пугая привилегированные классы и привлекая против себя преследования правительств, люди мысли, которые в него вошли или которых он оживил, вырабатывали ту программу, или те программы, за которые еще сегодня борются все те, кто хочет полного освобождения Человечества от тирании капитализма и государственной организации.

Интернационал оторвал самую отборную часть пролетариата от свиты буржуазных партий и дал ему классовое сознание, собственную программу, собственную политику. Он поднял и обсудил все самые важные социальные вопросы, заново рассмотрел и развил все системы социальных преобразований, предложенные до того времени, и основал всё современное социалистическое движение. Он заставил трепетать сильных мира сего, возбудил пылкие надежды угнетенных, вдохновил на жертвы и героизм... и когда казалось, что он предназначен похоронить капиталистическое и тираническое общество, он распался и умер – оставив своим наследникам, социалистическим и анархическим партиям, задачу осуществить тот мир солидарности, справедливости, свободы, который он провозгласил.

Почему он умер?

Эпоха была, конечно, неподходящая, незрелая, для его быстрого триумфа, то есть нельзя было разумно надеяться, что за несколько лет сможет осуществиться то глубокое преобразование всех социальных укладов, которое ставил своей целью Интернационал; но он был великолепным инструментом для того, чтобы *эпоха созрела*, он мог бы создать условия для перемен, подготовив к ним умы и расширив необходимые силы.

Вместо этого он распался и умер. Почему?

гие претендовали, навязывать массе частные идеи одной партии.

Естественно, мы не могли бы не желать, чтобы вся ассоциация стала социалистической, анархической и революционной, и не работать для достижения этого – но мы должны делать так, чтобы она становилась такой свободно, постепенно, по мере того как сознание развивается и постигает новое.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА

Мне это кажется весьма трудным.

Либо рабочая ассоциация действительно заботится только об экономических интересах своих членов, и тогда она становится замкнутой корпорацией, школой эгоизма и сервизма и всегда кончает тем, что ищет поддержки властей и соглашения с хозяевами в ущерб другим категориям трудящихся и особенно неорганизованной и неорганизуемой массе.

Либо она сохраняет боевой дух, стремление к полному освобождению, чувство солидарности со всеми угнетенными и всеми эксплуатируемыми, и тогда вскоре в ее лоне возникнет борьба тенденций, и наступит момент, когда авторитарный и анархический, парламентарист и антипарламентарист, реформист и революционер вступят в конфликт, желая каждый увлечь массу членов за собой. Ассоциация может от этого умереть, как умер от этого Первый Интернационал, но это будет небольшая беда, если она послужила тому, чтобы поднять на одну ступень моральный уровень массы и оставила после себя более сильный, чем прежде, дух солидарности и борьбы и волю к освобождению.

В любом случае мы должны, по моему мнению, с одной стороны и главным образом заботиться о пропаганде наших идей и организации наших сил; а с другой – продвигать и поощрять объединение всех трудящихся, поскольку они трудящиеся, без различия мнений, для борьбы против хозяев, будучи убежденными, что *ненависть к классу хозяев – это спасительный принцип*. Мы должны принимать активное участие в рабочем движении, потому что это первый шаг к моральному и материальному возвышению масс, и потому что это плодородная почва для нашей пропаганды и возможная сила для любого движения, способного что-то разрешить в пользу трудящихся, но мы не должны претендовать, и должны препятствовать тому, чтобы дру-

Обычно смерть Первого Интернационала приписывают преследованиям правительств и личным конфликтам, возникшим в его лоне.

Я в это не верю.

Преследования были бы бессильны разрушить Ассоциацию и часто способствовали ее популярности и росту. А личные конфликты на самом деле были лишь второстепенной вещью; и пока движение имело жизненную силу, они скорее служили стимулом к деятельности для различных сторон и наиболее видных индивидуумов. Истинная причина другая.

В лоне Интернационала вскоре проявились две тенденции: одна авторитарная и централистская, другая либертарная и федералистская, которые разделили интернационалистов на две враждебные фракции, получившие название, по крайней мере в их крайних проявлениях, от Маркса и от Бакунина.

Одни хотели сделать из Интернационала дисциплинированный орган под командованием Центрального комитета («Генерального совета»), другие хотели, чтобы он был свободной федерацией автономных групп. Те хотели подчинить массу, чтобы, согласно авторитарному суеверию, силой сделать ей благо; эти хотели поднять ее и побудить освободиться самостоятельно. Но это, вместо распада, могло бы просто привести к разделению на две ассоциации, что и произошло, тем более что две тенденции были почти четко разделены и территориально, поскольку Италия, Испания, Южная Франция, Романская Швейцария и Бельгия принадлежали к либертарной тенденции, а другие страны – к централистской.

Однако у вдохновителей обеих фракций была общая черта: и те, и другие приписывали массе свои собственные идеи и заблуждались, полагая, что обратили ее, когда

добились лишь инстинктивного, более или менее бессознательного присоединения.

Так мы увидели, как Интернационал быстро становится мютюэлистским, коллективистским, коммунистическим, анархическим, революционным, с быстротой эволюции, которая задокументирована в решениях его конгрессов и во всей его литературе, но которая не могла представлять реальную и одновременную эволюцию огромной массы ее членов.

Поскольку не было разделения между органами для повседневной экономической борьбы и органами для политической борьбы и борьбы идей, каждый интернационалист развивал в лоне Интернационала всю свою деятельность мысли и борьбы, – получалось, что наиболее передовые индивиды должны были либо спуститься на уровень отсталой и медлительной массы, либо, как и произошло, прогрессировать и развиваться с иллюзией, что масса их понимает и следует за ними.

Наиболее развитые элементы изучали, обсуждали, открывали потребности народа, формулировали программы, утверждали социализм, утверждали анархизм, делали попытки восстаний, опыты осуществления, предсказывали будущее и готовили его – но убивали ассоциацию. Меч износил ножны; дух убил тело.

Я не говорю, что это было злом. Если бы Интернационал остался простой федерацией союзов сопротивления и не был бы взбудоражен бурями мысли и партийными страстями, он просуществовал бы так, как существуют *Trades Unions*, бесполезные и, возможно, вредные для дела человеческого освобождения: лучше, чтобы он умер, бросив на ветер плодородные семена.

Таков был Первый Интернационал. И те товарищи, которые, желая рабочего движения, независимого от партий, ссылаются на его пример, по моему мнению, неправы, потому что искажают историю.

Первый Интернационал был независим от партий, потому что он сам был партией, более того, он был двумя партиями, которые находились вместе в неудобстве.

Но в конце концов историческая точность имеет весьма относительное значение. Легенда искажает факты, но часто имеет такое же или большее влияние, чем если бы она была правдой!

Важно то, что нужно было делать после, а не то, что нужно делать сейчас.

Опыт прошлого показал бы, что ошибкой является желание создать новый или новые Интернационалы, которые были бы одновременно органом экономического сопротивления, мастерской идей и революционной ассоциацией.

Новый Интернационал трудящихся должен быть ассоциацией, предназначенной объединить всех трудящихся (или как можно больше трудящихся) без различия социальных, политических и религиозных мнений для борьбы против капитализма; и поэтому он не должен быть ни индивидуалистическим, ни коллективистским, ни коммунистическим, он не должен быть ни монархическим, ни республиканским, ни анархическим, он не должен быть ни религиозным, ни антирелигиозным. Единственное условие приема: желание бороться с хозяевами.

Но возможно ли это?

Возможно ли отделить экономическую борьбу от политической борьбы? Экономику от морали? Возможно ли, чтобы люди веры умели, хотя бы немного, абстрагироваться от своих убеждений и не оставлять отпечаток своих идей по всем вопросам?